

МЕТАФИНАНСЫ¹: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

У кого началом служит то, чего он не знает,
а заключение и середина состоят из того,
что нельзя сплести, может ли подобного рода
несогласованность когда-либо стать знанием?
Платон. Соч. т.3, с. 344 – 345

Схема анализа будет состоять в следующем:

- сначала на основе проработки большого массива научных работ² и пяти центральных учебных изданий по финансам [38–43] выделим общенаучный инструментарий, чаще всего используемый авторами для описания и систематизации материала финансов;
- затем продемонстрируем логические предпосылки и основания, которые стоят за используемыми финансистами категориями и понятиями;
- наконец, покажем проблематичность (противоречивость) ныне применяемых логических оснований финансов и необходимость их уточнения или замены.

В философской и методологической традиции Нового времени принято различать разные мыслительные метапланы (рамки), в которых употребляется научный инструментарий любой науки [7; 22; 33; 47] (см. рис.1).

Рис.1. Рамки употребления научного инструментария

На рис.1 показан принцип вложенности четырех основных мыслительных метапланов, на которые можно «разложить» разнокачественный научный инструментарий (иерархическую соподчиненность рамок символизируют стрелки). Нас будут интересовать не все четыре указанных метаплана, а только два исходных и самых широких – онтологический и категориальный, поскольку план предметных понятий и план, в котором фиксируются эмпирические факты научного исследования, не являются само-

¹ «Мета» в переводе с греческого означает «стоящее за...» (чем-то). Смысл дела состоит в том, чтобы рассмотреть логические основания, предпосылки и принципиальные условия, которые стоят «за» понятийным аппаратом финансов и финансовой науки. Аналогичные по замыслу работы – не редкость. Такую работу ещё в античные времена проделал Аристотель по отношению к физике, разработав метафизику [2]. В начале XX века математик и логик Д. Гильберт стал знаменит благодаря разработанной им метаматематике [25, с. 118]. Во второй половине того же века широкую известность приобрели работы по методологии деятельности отечественной методологической школы во главе с Г.П. Щедровицким [47], а его ученики Ю.В. и Н.В. Громыко опубликовали серию книг: Метапредмет «Знак» [14], Метапредмет «Проблема» и Метапредмет «Знание» [13].

² См. в списке использованной литературы выборку из 31 автореферата кандидатских диссертаций, защищенных в БГУЭП за последние 5 лет по специальности 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит».

стоятельными и зависят от объемлющих рамок первых двух планов (ими логически задаются). Инструменты двух первых планов и служат логическими и методологическими основаниями любого научного предмета.

Не является исключением в этом отношении и такой предмет, как финансы. Чтобы пояснить, что здесь имеется в виду, возьмём, например, один из лучших в постсоветской России учебников по финансам под редакцией В.В. Ковалёва [39] и посмотрим на определение финансов, которое приводят авторы на с.10: «...финансы как экономическая категория представляет собой систему распределительных денежных отношений, возникающих в процессе формирования и использования фондов денежных средств у субъектов, участвующих в создании совокупного общественного продукта».

Нетрудно видеть, что данное определение построено с использованием трёх (из четырёх, показанных на рис.1) мыслительных планов: финансы вписываются авторами в онтологические³ рамки «распределительных отношений» между людьми и рассматриваются там через категорию «системы». В свою очередь, «фонд денежных средств» является уже понятием следующего, предметного (нижележащего по отношению к онтологическому и категориальному) уровня рассмотрения. А если посмотреть указанный учебник дальше, то можно без труда найти и наполнение четвертого плана – «эмпирические факты», характеризующие уже состояние конкретных денежных фондов, например, федерального бюджета РФ [39, с.198]).

При этом логическая строгость научного (учебного) текста во многом зависит от того, насколько согласованы между собой все метапланы использования научного инструментария. Как показывают методологические исследования [22; 33; 47], полная согласованность встречается вообще нечасто в любой конкретной науке. В области же экономики и финансов ситуация еще сложнее, чем в естественных науках. Особенно заметно это становится в периоды исторических переломов, один из которых Россия переживает в настоящее время. В такие периоды научные представления ушедшей исторической эпохи с большим трудом уступают свои позиции, в то время как новая «картина мира» претерпевает столь же трудное и долгое становление [7]. В это время большую или меньшую дезорганизованность научного инструментария финансов можно встретить почти в любой научной или учебной публикации. Попытаемся это показать на фактах. Объем небольшой статьи вынуждает остановиться лишь на наиболее часто встречающихся случаях неправильного (логически необоснованного) использования научного инструментария. Поэтому ограничимся здесь только анализом применения разными авторами: 1) онтологической гипотезы о финансах как «отношениях между людьми»; 2) категорий «сущность» и «функции» финансов; 3) метода «классификации» финансовых явлений.

Упоминания об отношениях между людьми⁴ в определениях финансов, а также – в связи с выделением объекта и предмета в конкретных финансовых исследованиях

³ «Онтология» – предполагаемая (как само собой разумеющаяся) «объективная картина мира», в рамках которой конкретная наука выделяет объекты своего исследования. Вне каких бы то ни было онтологических предположений не могут быть построены идеальные объекты и понятия науки и, следовательно, подлинная наука становится невозможной (превращаясь в мифологию, идеологию и другие ненаучные формы представления мира). Это было доказано ещё Лейбницем в XVII веке. Подробнее см. [7, с.53–54].

⁴ С несущественными вариациями: «отношения между участниками...[12] (органами...[28], субъектами...[45], банками...[27])», «отношения между государством и объединениями...[6]», «отношения, возникающие (складывающиеся) в процессе ...[10; 19; 21; 23; 31; 36; 44] (по поводу...[5; 16; 17; 18], при реализации...[9])».

встречается во всех без исключения учебниках, приведенных в списке литературы (см., например, [38, с. 63; 39, с. 9; 42, с. 10]), а также в 17 из 31 автореферата.

Сначала – несколько слов о предыстории вопроса. Давно и хорошо известно, откуда взялась «популярность» в нашей стране базового онтологического предположения о том, что экономический мир замыкается в социальных рамках «отношений между людьми». Разумеется, от К.Маркса. Именно он для решения своей грандиозной, социально-инженерной по сути, задачи переустройства капиталистического мира на социальных принципах предпринял попытку вписать экономику в онтологическую картину социальных отношений между людьми по поводу владения средствами производства. Результатом этой попытки и явился фундаментальный труд под названием «Капитал» [30]. Затем, руководствуясь идеями Маркса, российские большевики, как тоже хорошо известно, совершили социалистическую революцию. И когда встал вопрос о практическом строительстве социализма в СССР, весь инструментарий финансовой науки был полностью переработан под марксистскую социальную онтологию «отношений между людьми». А для того, чтобы придать финансовый смысл этим отношениям, был придуман (В.П. Дьяченко) принцип «распределительных отношений по поводу формирования и использования денежных фондов для удовлетворения государственных нужд» [7, с. 38]. В целях идеологической убедительности советской версии финансов пришлось даже заново переписать всю мировую финансовую историю и «показать», что, якобы, в истории всегда финансы так и понимались.

С тех пор минуло уже больше шести десятилетий, но мы и сейчас (часто даже не задумываясь) читаем в постсоветском учебнике: «Итак, можно говорить о том, что изначально понятие «финансы» рассматривалось только в плоскости формирования, а в дальнейшем и использования денежных фондов для удовлетворения государственных нужд» [39, с.9]. К слову сказать, нигде в мире версия государственного происхождения финансов и их социальная онтологическая укоренённость никогда не признавались. Наоборот, целым рядом западных исследователей (в частности, одним из самых крупных в мире историков экономики и финансов Ф. Броделем), в работах, ставших уже классическими, убедительно показано, что сначала на рубеже XIV – XV веков сформировались частные финансы, и лишь спустя три столетия – государственные (точнее – публичные). Причем, и те, и другие изначально создавались как чисто технические дисциплины, не имея никакого отношения к миру социальных взаимоотношений людей: частные финансы формировались в онтологии деятельности (т.е. в пространстве культурно нормированных операций и процедур с деньгами и их заменителями – финансовыми инструментами), а публичные – в рамках хозяйственной онтологии (государственного хозяйства) (см. подробнее [7]).

И хотя СССР уже почти два десятилетия не существует, а Россия уверенно взяла курс на строительство рыночной (читай – капиталистической) экономики и соответствующих ей финансов, парадокс состоит в том, что «уши» советских финансов по-прежнему проглядывают едва ли не в большинстве современных научных работ по финансовой тематике. Причем, в отличие от финансистов советских времен, многие нынешние исследователи, зачастую, вообще утратили какую бы то ни было онтологическую и категориальную ориентацию. Так, например, в работах [5; 10; 23; 31] отношения людей представляются через категорию «объекта исследования», в то время как в работах [6; 9; 12; 16; 17; 18; 19; 21; 27; 28; 36; 44; 45] те же социальные по сути отношения рассматриваются как «предмет исследования».

Для обывателей, живущих в наивно-натуралистических представлениях, это, конечно, не играет никакой роли. А для науки такое безразличие к нормам применения научного инструментария, на наш взгляд, подобно катастрофе.

Ведь, что получается? Если отношения людей представлять через категорию «объекта», тогда это будет означать, что именно они (отношения) должны выступать в качестве идеального объекта, подлежащего исследованию. Здесь социальные отношения как бы «вырываются» из онтологического плана и спускаются на уровень ниже (в план категориальных оснований, содержащий в т.ч. и идеальные объекты научного исследования). Казалось бы, замечательно: справедливость восторжествовала и финансы, наконец-то, перестали относиться к миру социальности. Однако тут же возникает новая проблема: на каких онтологических предположениях и посылах указанные авторы строили свой объект исследования? – так и остаётся загадкой. Ими, видимо, наивно предполагалось, что последний существует как нечто натуральное, не требующее никакой специальной мыслительной проработки, что является грубой методологической ошибкой.

Но это, как говорится, ещё полбеды. Гораздо хуже то, что после подобной псевдообъективации должно следовать по правилам логики. А именно: выделив отношения между людьми в качестве «объекта исследования» авторы обязаны были бы на следующем уровне конкретизации предметизировать⁵ именно этот объект. Но этого, обычно, тоже не делается, поскольку такая предметизация неизбежно привела бы к уходу из предмета финансов в социологию (где в плане предметных понятий рассматриваются именно конкретные формы социальных отношений). И возникает новый логический разрыв: вроде бы, если судить по названию тем, работы выполнены по финансам. Но то, что фактически делается на уровне предметных понятий, равно как и при обработке эмпирических фактов, никак не соотносится с объявленным объектом исследования. И неизбежно напрашивается вопрос: что же объективного (т.е. независимого от людей и существующего «на самом деле») исследуется в таких работах? Ответа – нет.

Еще хуже дела обстоят с логикой применения научного инструментария у второй группы исследований, в которых отношения людей сразу помещены в предметный план (рассматриваются как предмет финансового исследования). В этом случае не только онтологический план «провисает», но и категориальный. И становится совсем непонятно, не только на какую «картину мира» опирались данные исследователи финансов, но и как соотносятся между собой такой, чисто социологический «предмет исследования» с теми идеальными «объектами исследования», которые в каждой из указанных выше работах – абсолютно разные? К примеру, в [12] «объектом исследования» являются «субъекты аграрно-промышленных холдингов», в [16] – «налоговый менеджмент», а в [21] – «реструктуризируемые предприятия электроэнергетики». Как можно предметизировать указанные «объекты», чтобы получился в результате такой предмет, как «отношения людей»? – остаётся только гадать. А если мы спустимся ещё на уровень ниже – в план «эмпирических фактов», то выяснится и вовсе парадоксальное: оказывается ни в одной и вышеуказанных 14 научных работ не исследуются эмпирические факты, характеризующие с количественной или качественной стороны какие-либо «отношения людей». Эмпирический материал всех, без исключения, работ,

⁵ Т.е. «ухватить» за счет применения избранных методов исследования определённую (соответствующую методам) сторону подлежащего изучению объекта. О проблеме соотношения объекта и предмета научного исследования см. подробнее у Г.П. Щедровицкого [47, с. 600 и далее]

разумеется, относится к финансовой предметности, и рассматривается с чисто технической, деятельностной точки зрения.

Справедливости ради следует отметить, что хоть и редко, но уже стали появляться работы, в которых в явном виде выделяются деятельностные объекты исследования (см. например, [26; 35]). Но здесь возникают другие логические неувязки: применяемые в данных работах методы исследования (например, метод классификации) совсем не соответствуют деятельностному подходу (для которого характерен типологический метод) [47]. Поэтому и в этих случаях трудно предполагать, что авторы на самом деле изучали финансы в онтологии деятельности.

Наконец, есть еще одна немногочисленная группа работ, авторы которых уходят от социализации финансов весьма своеобразным способом: «объектом» [24] или «предметом исследования» [29; 34] в них объявляются не «отношения между людьми», а «финансовые отношения». При этом возникает двусмыслица. С одной стороны, вроде бы, речь уже не идет об «отношениях между людьми по поводу распределения денежных фондов» – их борьбе, сотрудничеству или соподчинению, из чего, собственно, и состоит социальная жизнь. Речь – о «финансовых отношениях», что можно понимать как отношения к определенному рода предметам (финансовым) в соответствии с финансовыми понятиями этих предметов. Это примерно так же, как к столу относиться в соответствии с понятием «стол». Такое отношение можно было бы только приветствовать, поскольку отсюда вёл бы прямой путь к функциональности финансов – вопросу, в котором накопилось не меньше путаницы (об этом – ниже). Если бы не одно «но»: авторы таких работ, как правило, не дают оснований для такого их понимания, поскольку понятия⁶, в соответствии с которыми следовало бы относиться к финансовым предметам, в явном виде не вводятся⁷. А поэтому так и остаётся загадкой, в какой онтологии и с использованием каких категориальных оснований предполагалось использовать финансовые понятия, чтобы можно было исследовать «финансовые отношения» как объект или как предмет.

⁶ В методологии принято различать «определение» (чего-либо) и «понятие» (о чём-либо). Правила, по которым следует строить «определения», и которыми пользуются до сих пор в науке, разработал ещё Аристотель [2, с. 174, 206]. Чтобы построить «определение», необходимо выявить собственные (в отличие от случайных) видовые отличия предмета (вещи) и подвести их под соответствующий род. Правильно построенное определение должно допускать обратимость. Возьмем два примера античных определений человека, первое из которых построено правильно, второе – неправильно: «человек есть живое существо, наделенное разумом» и «человек есть живое существо, имеющее две ноги». «Человек» в данных определениях «вид», «живое существо» – «род». В первой формулировке присутствует собственное видовое отличие человека – «наделенный разумом» (формулировка допускает обращение: «живое существо, наделенное разумом, есть человек»), а во второй – случайное, поскольку нельзя (логически неверно) сказать в обратном порядке: «живое существо, имеющее две ноги, есть человек», поскольку и у курицы тоже две ноги (см. также [15, с. 63 и 220-223]). В ряде финансовых исследований определения строятся без соблюдения указанных правил [21; с. 9; 31, с.10].

«Понятие» же – это инструмент не столько получения знания, сколько понимания чего-либо, чтобы можно было правильно и осмысленно действовать. Это – устойчивая смысловая структура (форма) сохранения и трансляции (в поколениях) понимания того, как этот предмет используется в жизни и деятельности людей. В «понятии» остановлен генезис смыслов в изменяющихся деятельностных ситуациях, произошедший в истории и зафиксированный в культуре. Поэтому «понятие» (любое) всегда многослойно и многозначно. Оно не может быть лаконично сформулировано и требует, как правило, своего многословного введения, чтобы у понимающего возникли устойчивые смыслы того, о чём идет речь, и как с этим правильно (культурно) обращаться в разных ситуациях деятельности [13, с. 295; 15, с. 195 и далее].

⁷ Вместо этого обычным приёмом в современных исследованиях является так называемое «уточнение» того или другого понятия (в соответствии с темой) с последующей новой формулировкой какого-то определения (см., например, [6; 16; 19; 21; 26; 27; 44]). Иногда прибегают к «уточнению определения понятия» [1; с. 9; 18, с. 6], что является такой же бессмыслицей, как жареный логарифм. Это свидетельствует о том, что многие современные исследователи финансов не различают «понятия» и «определения», подменяя одно другим.

Рассмотрим теперь инструментарий категориального плана⁸, наиболее часто встречающийся в работах по финансовой тематике. Имеется в виду употребление категорий «сущность» и «функция» применительно к финансовым предметам и явлениям, а также использование метода их «родо-видовой классификации».

Претензии на определение (рассмотрение, уточнение, раскрытие) «сущности» различных финансовых предметностей (рисков, внутреннего контроля, финансов, финансового механизма, медицинского страхования и др.) встречается у многих исследователей (см. например, [9, с. 7; 18, с. 7; 27, с. 8; 29, с. 11; 34, с. 7; 43, с. 4; 45, с. 7]). С рассмотрения «сущности финансов» до сих пор начинаются практически все учебники финансов [38 – 42].

В ряде работ определение «сущности» дополняется уточнением (дополнением или предложением новых) «функций» исследуемого предмета [9, с. 5; 34, с. 8; 46, с. 9]. Во всех указанных выше учебниках этот феномен также неизменно присутствует (см., например, [38, с. 66; 39, с. 8]).

Редко, но встречается уже совсем «экзотика», когда пытаются определить «сущность функций налога» [16, с.9]; или утверждают, что «сущность проявляется в функциях» [46, с. 9] (в данном случае речь идет о сущности финансов страховой компании).

Имеются исследования (их удельный вес совсем невелик), в которых сделана попытка рассмотреть финансовую предметность только с функциональной точки зрения (вне связи с какой бы то ни было «сущностью») [17; 20].

Наконец, самая многочисленная группа исследователей является сторонниками классификационного метода, не очень утруждаясь при этом выяснением логических условий и возможностей его применения. В явной форме метод родо-видовой классификации финансовых предметов и явлений описывается в 13 авторефератах, представленных в списке литературы [1; 10; 16; 17; 18; 19; 23; 26; 27; 28; 29; 31; 34]. Но есть и работы, в которых данный метод представлен в неявной форме. Имеется в виду, что сам классификационный метод не упоминается, но при этом используется характерная именно для родо-видовых классификаций «древовидная» графика в целях иллюстрации полученных результатов [4, с. 9; 21, с. 15; 37, с. 18].

Интересно отметить, что среди приверженцев классификаций есть те, кто, видимо, понимает (или интуитивно догадывается), что классификация невозможна без указания на сущности разных уровней, в которых может быть представлена исследуемая предметность [18; 27; 29; 31; 43; 45], а есть и те, кто полагает, что можно классифицировать предметы и явления, не связываясь с весьма сомнительным делом определения или уточнения «сущностей» мира финансов [1; 10; 19; 23; 26; 28].

Наконец, есть три совсем уж уникальные работы: в одной из них классификация строится без связи с сущностью классифицируемых явлений, но зато с использовани-

⁸ Здесь не будут рассматриваться случаи явно некорректного использования такого философского и методологического инструмента, как «категория». Имеются в виду случаи вульгарной предметизации категориального аппарата, когда говорят (пишут), например, «финансы как экономическая категория» [39, с. 9] или «категориальная природа налоговой нагрузки» [5, с. 7]. Мы считаем ошибкой уже после краха марксистской идеологии продолжать следовать его «изобретению» [30] и называть предметные экономические понятия «категориями». Мы придерживаемся общепринятого в философии и методологии положения, что любая категория – это предельно широкая (и в этом смысле – непредметная, надпредметная) форма (структура) мысли. Это всегда – инструмент метапредметного анализа, организующий наш выход на объект или объективность. И никакая категория (из всех разработанных в истории человечества), строго говоря, никогда не может стать предметной формой чего бы то ни было. Равно как и наоборот: ни одно предметное понятие не может выполнять функции категорий [3; 15, с. 103; 25, с. 240; 47, с. 516].

ем функционального подхода [17]; в двух других демонстрируется полная неразличительность возможностей использования рассматриваемых категорий: в них делается попытка выделить «сущности» с их «классификацией», и одновременно исследуются функции рассматриваемых предметов [16; 34].

Попытаемся теперь разобраться с необходимыми логическими условиями применимости рассматриваемых категорий.

Давно известно, что родоначальником категории «сущность» и неразрывно с ней связанного метода «родо-видовой классификации» является Аристотель [2; 3]. Ни один из последующих философов не внёс в разработки Аристотеля никаких развивающих дополнений. Вместе с тем, философы Нового времени убедительно показали ограниченность (а в ряде предметных научных областей и недопустимость) применения категориального аппарата, разработанного Аристотелем [15; 22; 32; 33; 47].

Основное онтологическое («онтос» по греч. «сущее») предположение, которое было сделано эллиническими философами – предшественниками Аристотеля, и на основе которого последний разработал своё учение о категориях [3] состоит в следующем. Есть мир изменчивый, видимый (ощущаемый органами чувств) и есть мир неизменный и невидимый (схватываемый лишь мышлением). И среди этих миров главным является мир невидимый, определяющий все изменения видимого мира [32, часть первая «Досократики», с. 22 – 114]. Чтобы можно было ухватывать невидимый мир и через него получать знания о видимом мире Аристотелю понадобилось разработать систему из 10 категорий, среди которых первой является «сущность». При этом данная категория строится на основе, с одной стороны, двух парных логических конструкций: «подлежащее – сказуемое» и «род – вид», с другой – на понятии «вещь».

Аристотель пишет в трактате «Категории» [3], что любая вещь, о которой мы что-то говорим, является «подлежащим», а то, что мы о ней говорим, является «сказуемым». Например, «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» – о «человеке», следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек и живое существо» [3, с. 54]. В первом случае «отдельный человек» (т.е. вещественный) – это подлежащее высказывания, а слово «человек» (т.е. человек вообще) – сказуемое высказывания об отдельном человеке. Во втором случае уже о «человеке вообще» как подлежащем сказывается, что это «живое существо».

Так вот, если такие различия принять, тогда всякое сказуемое, которое может сказываться о многих подлежащих, Аристотель называет «родом», а относящиеся к нему подлежащие – «видами». Например, «живое существо» является сказуемым не только по отношению к «человеку вообще», но и к «собаке вообще» и к другим «животным вообще».

Вводя таким образом родо-видовую классификацию, Аристотель теперь может сказать о том, что он понимает под «сущностью» вещей. «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду “человек”, а род для этого вида – “живое существо”. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях» [3, с. 55–56]. И на следующей странице Аристотель уточняет: «И так же, как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду: вид

есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах» [3, с. 57].

Таким образом, Аристотель различает «первые сущности» и «вторые сущности». «Первые сущности» у него были непосредственно связаны с конкретными единичными вещами. «Вторые» являлись формами, в которых единичные вещи существуют. Он говорит, что если не идёт речи о материальных, чувственных вещах, то нельзя говорить и о сущностях (как первых, так и вторых). При этом он говорит, что «из вторых сущностей “вид” в большей мере сущность, чем “род”, ибо он ближе к первой сущности» [там же].

В работе «Метафизика» [2] Аристотель дополнительно во многих местах разъясняет, что он понимает под категорией «сущность». Выделим наиболее важные из них.

«Сущностью чувственных вещей следует считать субстрат – носитель всех свойств вещи» [2, с. 212]. «В чём формальная сущность чувственных вещей? Она в видовых отличиях вещи» [2, с. 214]. «Если категории поделены на группы – <означающая> сущность, качество, действие или страдание, отношение или количество, то должны существовать три рода движения – со стороны качества, количества и места. Со стороны сущности вещь движению не подлежит» [2, с. 313]. «Есть сущности трёх родов, причем две из них носят физический характер (имеется в виду материальный субстрат и видовые отличия – Ю.Б.), а одна – неподвижная (род – Ю.Б.)...Ведь сущности занимают первое место среди того, что есть, и если все они преходящи, тогда всё преходяще» [там же].

«Аристотель, как никто, способствовал становлению натуралистического умозрения» – пишет известный знаток греческой философии, методолог В.М. Розин [33, с. 33]. Детально проработав логические условия существования природного мира (фюзис), Аристотель попытался наметить и подходы к описанию неприродного мира деятельности людей. Об этом говорит, в частности, такое его утверждение: «Должны быть сущности, существо которых заключается в реальной деятельности и не имеет в себе материи. Без них вещи не имели бы основания для перехода из возможности в действительность» [2, с. 327]. В целом же Аристотелю не удалась попытка категоризовать онтологию деятельности, что в дальнейшем привело к массе проблем, как у его последователей, так и критиков. Так, П.Г. Щедровицкий пишет: «Если... сопоставить трудности, возникшие в постаристотелевской философии с понятием вещи у Аристотеля, то мы увидим, что уже поздние аристотелики, начиная с Александра Афродизийского, обнаружили существование неких явлений, которые не подводились под понятие вещи, в частности – знак. Проблема знака была для Александра Афродизийского непреодолимой, поскольку он хотел сохранить ту базовую категорию, которая была у Аристотеля – категорию вещи. ...С категорией вещи была ещё связана родовидовая картина мира, то есть, вещи были устроены определённым образом, они подводились и объединялись в некие виды, виды объединялись в роды, в свою очередь, это было отражено в структуре языка, в свою очередь, это было отражено в структуре рассуждения об этих вещах вплоть до схем силлогизма. Поэтому это была в каком-то смысле неразделимая конструкция. И когда поздние аристотелики обнаружили, что есть вещи, которые не вещи, например, знаки – у них всё развалилось» [48, с. 3].

Анализируя границы применимости аристотелевских категорий, немецкий методолог начала XX века Э. Кассирер, пишет: «Понятия, которые разыскивает в конечном счете Аристотель и на которые устремлён, главным образом, его интерес — это родовые понятия описательного и классифицирующего естествознания. Дело идет о том, чтобы найти и установить «форму» масличного дерева, лошади, льва. Там, где

Аристотель покидает область биологии, там его теории понятия перестают развёртываться естественно и без принуждения. В особенности плохо укладываются в его обычную схему понятия геометрии» [22, с.7]. И вообще, «в иначе устроенном мире объектов, – подчеркивает Э. Кассирер, – например, в мире, в котором через соединение двух вещей каждый раз сама по себе возникала бы третья вещь — это положение (имеется в виду родо-видовая структура аристотелевских понятий – Ю.Б.) потеряло бы всякий смысл и значение» [там же]. А ведь именно таковыми объектами являются все деятельностные объекты, в т.ч. и финансовые.

Что касается категории «функция», то о ней в сочинениях Аристотеля нет ни слова. И это, в принципе, понятно, поскольку функция длительное время в истории человечества использовалось исключительно в качестве предметного (математического)⁹ понятия, пока в XX веке усилиями Э. Кассирера [22] и российских методологов [15; 33; 47; 48] не была разработана деятельностная категория «функция». Поэтому, когда мы встречаем в учебниках финансов [39, с. 12] или в научных работах [9; 16; 34; 46] кентаврообразное сочетание категорий «сущности» с «функциями», то это свидетельствует, на наш взгляд, лишь о полном непонимании авторами того, что они тем самым безуспешно пытаются соединить несоединимое. В известном смысле, «сущность» и «функция» – логические антиподы: если есть основания говорить о сущности чего-либо, то, следовательно, там нет места функциям. И наоборот, если мы имеем дело с функциональными объектами (предметами), существующими в человеческой деятельности (любого профиля), то про их «сущности» следует забыть, поскольку их там не бывает. Поэтому к придуманной в 1930-х годах фразе «сущность финансов проявляется в их функциях», на наш взгляд, следует относиться исключительно как к идеологическому¹⁰ клише, не имеющему отношения к категориальным основаниям финансовой науки.

Теперь посмотрим, как именно используется категория «функция» (безотносительно категории «сущность») современными исследователями финансов.

Общая схема для обсуждения функций финансов или их частных предметов, которой придерживаются практически все, состоит в следующем: сначала делается обзор литературы по соответствующему вопросу, а потом предлагается либо дополнить перечень известных функций, либо, наоборот, упразднить какие-то из них. При этом фактически единственным аргументом для подобных предложений служит «мнение (взгляд) автора». Ни в одной из анализируемых работ даже не ставится вопросов: откуда в принципе берутся (могут и должны браться) функции чего бы то ни было? И чем определяется достаточность того или иного набора функций?

Так, в [20] речь идет о функциях регулирования рынка ценных бумаг. При этом автор пишет: «Спектр подобных функций, рассматриваемый в экономической литературе, весьма обширен, но вместе с тем отличается определенной непоследовательностью и нелогичностью. Функции сущностно дублируются, кроме того, некоторые из них не всегда представляются актуально необходимыми. На наш взгляд, системе регулирования рынка ценных бумаг... присущи следующие функции: 1) концептуаль-

⁹ Известно, что Аристотель, действуя в пику Платону, не признавал математику как науку, описывающую основы устройства мира. «Математический мотив отступает у него на задний план» [22, с. 152]. Поэтому функциональности вещей Аристотель старался не касаться.

¹⁰ По-видимому, советским идеологам надо было соблюсти требование первичности материального начала (имеющего сущности) и, в то же время, было уже хорошо понятно, что вещи в деятельности используются по назначению, т.е. имеют функции. В результате пришлось выдумать «диалектический» кентавр из двух несоединимых начал.

ная и законодательная; 2) стимулирующая; 3) организационно-правовая; 4) контрольно-надзорная; 5) правоохранительная; 6) защитно-попечительская; 7) арбитражная» [20, с. 14–15].

Из приведенного фрагмента хорошо видно, что, не имея системного принципа, на основе которого удерживалось бы всё функциональное поле в деятельности органов, регулирующих рынок ценных бумаг, автор тоже не может избежать тех недостатков, которые сам же критикует: его набор функций также достаточно произвольный, не блещущий особой логикой, но зато с очевидным дублированием (например, первая, третья и пятая функции данного набора не могут не пересекаться).

В том же ключе пишет о функциях налогов автор работы [17]: «Все авторы всегда признавали наличие фискальной функции налогов... На определенном этапе своего развития экономическое содержание налогов проявляется и в функции регулирования. По нашему мнению, ... в настоящее время возникла необходимость выделения социальной функции налогов» [20, с. 8]. И дальше идет пояснение, в чём же эта функция, по мнению автора, должна выражаться: в «поддержке уровня жизни...», в «уменьшении социальной напряженности в обществе» и в «стимулировании нравственного долга». Откуда и в связи с чем у налогов может возникнуть такая функция? – остается только гадать.

Некоторые исследователи пытаются дополнить свои предложения по изменению состава тех или иных функций определенными обоснованиями. Однако приводимые доводы в пользу предложений авторов опять-таки не касаются принципиальных вопросов порождения (упразднения) финансовых функций. Приведем два наглядных примера подобных «обоснований».

В [9] читаем: «... важно различать реализацию функций и ту социально-экономическую роль, которую выполняет страхование благодаря их реализации. Такого рода предпосылка позволила исключить большинство функций, приписываемых медицинскому страхованию» [9, с. 9]. И дальше автор перечисляет три функции, которые, по его мнению, следует оставить за медицинским страхованием: «рисковую (противорисковую)», «предупредительную» и «контрольную». При этом так и остаётся неясным, по каким основаниям автор отличает «функцию страхования» от «роли страхования»? И почему именно указанные «функции» необходимы и достаточны для нормального функционирования медицинского страхования? И разве «снижение вероятности несения застрахованными лицами затрат...» (что соответствует «предупредительной функции») – по смыслу не тоже самое, что «защита и восстановление имущественных интересов застрахованных лиц» (что, по мнению автора, соответствует «рисковой (противорисковой) функции»? Ответов на все подобные вопросы исследователь не дает.

Автор работы [46] тоже приводит довод в пользу введения новых функций страховых резервов. Он пишет: «В связи с тождественностью функций страхования и страховых резервов в научной литературе не выделяются функции страховых резервов. Дополнительную актуальность в определении и уточнении функций страховых резервов создало изменение состава и порядка формирования страховых резервов. Функциями страховых резервов, по мнению автора, являются: 1) финансовая гарантия выполнения обязательств перед страхователем; 2) инвестиционная функция; 3) предупредительная функция» [46, с. 9 – 10].

Как видно из приведенного фрагмента, автор говорит лишь об «актуальности новых функций», но не о принципах их выделения. Отсюда и казусность его предложе-

ний: как может выступать в качестве «функции» (назначения в использовании) то, что само должно иметь определенное назначение? Речь идет о «финансовой гарантии».

Наконец, встречаются и такие работы, в которых демонстрируется весьма сомнительное понимание самого обсуждаемого предмета. Например, в [34] и вовсе предлагается научная фантастика: выделять в экономической функции социального страхования «стимулирующую подфункцию». Какую логическую процедуру следует применить, чтобы у функции выделить «подфункцию»? – автор, по понятным причинам, не поясняет. Как можно у «назначения использования (применения, употребления) чего-то» выделить его «подназначение»? – одному только Богу известно.

Ещё более сомнительные «научные результаты» исследования функций налогов демонстрируются в работе [16]. Так, на стр.10 читаем: «Любая какая-либо функция не может одновременно характеризовать два разных признака предмета: направление и величину. Мы предлагаем разграничить эти понятия следующим образом: функция отражает только направление движения, поэтому представляет собой векторную величину; значение отражает роль или влияние и поэтому может рассматриваться как количественно-качественная характеристика процессов».

Нам представляется, что здесь даже комментарии излишни, поскольку очевидно, что автор говорит о чем-то другом, только не о функциях налогов. Никакая функция (хоть математическая, хоть деятельностная) ни при каких условиях не может быть представлена «векторной величиной», хотя бы в силу того, функция – это логическая конструкция.

Если говорить философским языком, то в самом общем виде можно было бы сказать: функция – это бытие в другом. Это всегда, по крайней мере, двухуровневая конструкция мышления о чем-либо.

В этом смысле, когда читаешь старые работы советских финансистов, в которых писалось, что «у финансов две функции – распределительная и контрольная», то их (в отличие от современных) вполне можно понять. Они это писали осмысленно, поскольку речь шла о советских финансах, которые были только государственными, а хозяйство в советском государстве было организовано как распределительная система, контролируемая из единого центра. Другими словами, поверх финансов существовал директивный уровень, в соответствии с принципами организации которого и задавались для нижележащего уровня указанные функции финансов. Т.е. задавались такие назначения их использования, чтобы они в процессе своего функционирования (исполнения функций) постоянно обеспечивали бытие директивной распределительной государственной системы (см. подробнее [7]).

Ничего подобного у нынешних исследователей функций самых разных финансовых предметов даже близко не наблюдается. Как нет этого понимания и в современных, постсоветских учебниках: распределительная система давно канула в Лету, а в них всё продолжают повторять функции советских финансов, как будто они заданы от природы или от Бога, раз и навсегда. Хотя без всякой науки очевидно, что ныне действующие финансы тоже организованы по определенным принципам из того уровня (совсем не факт, что это – государственный центр), для поддержания которого они сейчас и предназначены (т.е. им приданы соответствующие функции). Но об этом почему-то современная наука о финансах молчит.

В заключение приведем несколько дополнительных доводов в пользу сказанного о категориальном понятии «функция», обратившись к классическому исследованию по данной теме Э. Кассирера [22].

Кассирер разрабатывает логическое понятие «функция» как альтернативу родовым понятиям аристотелевской метафизики. Он пишет: «Логический порочный круг в обычном учении о возникновении родовых понятий состоит в том, что, с одной стороны, применяют категорию целого и его частей, а, с другой, — категорию вещи и её свойств... Против логики родового понятия, стоящей, как мы видели, под знаком и господством понятия о субстанции, выдвигается логика понятия о функции» [22, с. 20].

Принцип возникновения функционального отношения Кассирером демонстрируется сначала на понятии о числе (при этом он поясняет, что «понятие о числе интересует нас здесь не само по себе, а как пример образования функциональных понятий» [там же, с. 42]). А в дальнейшем этот принцип он распространяет на геометрические, физические, химические, биологические, психологические и общественно-исторические понятия. Сам принцип образования «функции» он много раз поясняет с разных сторон на протяжении всей книги. Позволю себе привести наиболее показательные тезисы Кассирера.

«Каждая функция представляет собой некоторый всеобщий закон, охватывающий собой, благодаря последовательным значениям, которые может принимать переменная, все отдельные случаи, к которым он применим... Понятие о функции содержит в себе всеобщую схему и образец» [там же, с. 24]. Функциональная «связь членов создается в каждом отдельном случае с помощью некоторого всеобщего закона координирования, благодаря которому устанавливается всеохватывающее правило следования членов ряда... Повсюду, где мы связываем какие-нибудь предметы нашего мышления в один предмет, мы создаем таким образом новый «предмет второго порядка», все содержание которого выражается в отношениях, образующихся благодаря акту соединения между отдельными элементами» [там же, с. 28]... «Её (функции – Ю.Б.) «бытие» заключается исключительно в логической определенности» [там же, с. 30]... «Каждый член (функционального отношения – Ю.Б.) существует не только сам по себе, но отображает в то же время структуру и формальный принцип всего ряда... Нельзя вырвать элемент из связи отношения» [там же, с. 46, 62]... В результате появления функции «мы получаем две обособленные области и два различных измерения понятия: понятиям, обозначающим существование, противостоят, понятия, выражающие лишь возможную форму связи» [там же, с. 186]... Функция «означает только вид возможной координации, а не «сущность» (das Was) элементов, которые должны быть координированы друг с другом» [там же, с. 230]... «Если представить себе частное как член ряда, а общее как принцип ряда, то становится сейчас же ясно, что оба эти момента, не переходя друг в друга и не смешиваясь между собой по содержанию, тесно связаны все-таки по своему функциональному значению... Здесь не создается особый вид предметов, но одной и той же опытной действительности придается новая категориальная форма» [там же, с. 255–256]... «Закон и факт теперь уже не являются больше двумя, навсегда отделенными друг от друга, полюсами знания, а находятся в живой функциональной связи, относясь друг к другу, как средство и цель» [там же, с. 264]... «Характерный прием метафизики состоит в том, что она... перетолковывает логически-коррелятивное в вещественно-противоположное» [там же, с. 306]... «Тождество, к которому все больше и больше приближается мышление, есть не тождество последних субстанциальных вещей, а тождество функциональных порядков и координаций» [там же, с. 360].

Таким образом, если руководствоваться классическим понятием «функция», разработанным Э. Кассирером, то становится очевидным, что работы финансистов, в

которых делаются попытки исследовать функции финансов и частных финансовых предметов, не выдерживают никакой критики, поскольку ничего такого, что требует данное понятие, ими даже не обсуждается. А если учесть, что большинство из них так до сих пор и не освободилось от метафизических «пут» аристотелианства с его «сущностями» и «родо-видовыми классификациями» (хотя с позиций, достигнутых современной философской и методологической мыслью, очевидно, что финансы – это сфера деятельности, а не учение о какой-то вещной субстанции), то вырисовывается серьёзная проблема перестройки онтологических и категориальных оснований финансов и финансовой науки.

Использованная литература

1. Абуздин И.С. Управление активами институциональных инвесторов на российском рынке ценных бумаг. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
2. Аристотель. Метафизика. М: Изд-во Эксмо, 2006. 608 с.
3. Аристотель. Категории. Соч. в 4-х т. М: Мысль, 1978. Т.2. С. 51 – 90.
4. Асадулин М.Р. Страхование жизни в Российской Федерации: особенности и направления развития. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.
5. Баниева М.А. Источники финансирования сельскохозяйственных предприятий: перспективы развития. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
6. Бухадеева Н.В. Оценка налоговой нагрузки и методические подходы к её совершенствованию. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
7. Берёзкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов. 2-е издание. Иркутск: БГУЭП, 2006. 248 с.
8. Бобкова И.С. Развитие налогообложения российских коммерческих банков. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.
9. Бондарь Ю.В. Комплексное развитие обязательного добровольного медицинского страхования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
10. Бубнова Ю.Б. Развитие страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2005.
11. Бурлакова М.Л. Развитие взаимного страхования в России. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
12. Великанов Е.В. Управление финансами агропромышленных комплексов в Российской Федерации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
13. Громько Н.В. Метапредмет «Знание». М: Пушкинский институт, 2001. 544 с.
14. Громько Ю.В. Метапредмет «Знак». М: Пушкинский институт, 2001. 288 с.
15. Громько Ю.В. Введение в мышление и деятельность. М: Пушкинский институт, 2005. 384 с.
16. Грохотова Н.В. Налоговый менеджмент и его влияние на формирование прибыли организации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
17. Гущина И.В. Реализация функций налога в налогообложении доходов физических лиц. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
18. Дедушев В.А. Развитие страхования предпринимательских рисков в России. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
19. Жилан О.Д. Формирование и оценка депозитной политики коммерческого банка. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
20. Звягинцева Н.А. Регулирование рынка ценных бумаг Российской Федерации. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
21. Калачева М.С. Оценка влияния реструктуризации предприятий электроэнергетики на их налогообложение. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.

22. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции/ Перевод с немецкого Б. Солпнера и П. Юшкевича 1912 г. М: Изд-во Гнозис, 2006. 399 с.
23. Кислицына Л.В. Финансирование предприятий региона в условиях их структурирования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
24. Ковтун Л.Р. Казначейское обеспечение расходов государственного бюджета в регионе. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
25. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е издание, исправл. и дополнен. М: Изд-во «Наука», 1975. 720 с.
26. Кузнецова Н.В. Развитие страхования в сфере туризма. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
27. Лукьянов Е.Г. Взаимодействие страховых организаций и банков на рынке страхования залогового имущества. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
28. Малов А.А. Налогообложение прибыли страховых организаций. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.
29. Махтина Ю.Б. Финансовый механизм функционирования обязательного медицинского страхования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.
30. Маркс К. Капитал: в 3-х т. М: Изд-во политической литературы, 1988.
31. Орлова Е.Н. Формирование налогового потенциала в регионе. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
32. Рассел Б. История западной философии. М: Академический проект, 2006. 1008 с.
33. Розин В.М. Знание или схемы: познание мира или его конституирование? Кентавр, № 27 (ноябрь 2001 г.). С. 33-46.
34. Сафонова Н.Р. Фонд социального страхования: формирование финансового механизма. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
35. Татаринова Л.В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости коммерческого банка. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
36. Трубачев Е.В. Управление расходами бюджетов на региональном уровне. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2004.
37. Файберг Т.В. Государственный (муниципальный) заказ как форма организации бюджетного финансирования. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
38. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учеб. / Под ред. Л.Л. Дробозиной. М: ЮНИТИ, 2000. 477 с.
39. Финансы: учеб. / Под ред. В.В. Ковалёва. 2-е издание, перераб. и дополн. М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 640 с.
40. Финансы: учеб. пособ. / Под ред. А.М. Ковалевой. 4-е изд., пераб. и дополн. М: Финансы и статистика, 2000.
41. Финансы: учеб. / Под ред. В.М. Родионовой. М: Финансы и статистика, 1995.
42. Финансы: учеб. / Под ред. М.В. Романовского и др. М: Перспектива, Юранг, 2000.
43. Худякова Е.В. Внутренний контроль в коммерческом банке: оценка эффективности. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
44. Цидыпова А.В. Собираемость налогов и сборов на региональном уровне. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2006.
45. Чичин В.В. Управление кредитными рисками. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2003.

46. Шитиков Г.А. Управление размещением страховых резервов. Автореферат канд. дисс. Иркутск: БГУЭП, 2007.
47. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М: ШКП, 1997. 656 с.
48. Щедровицкий П.Г. Введение в синтаксис и семантику графического языка СМД – подхода. www.fondgp/lib/mmk/58.